

СТРАТЕГИЯ ДИСКУРСА

УДК 165.7+304.2+008

ББК 87.5

А.Ю. Чукуров

ИДЕИ ПОСТГУМАНИЗМА В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена анализу идеи постгуманизма в контексте социокультурной динамики конца XX – начала XXI века. Указывается на то, что постгуманизм – это не просто философская концепция, но объективная реальность современной действительности. Детально анализируются отличия основных постулатов постгуманизма от идей классического гуманизма. Также определяется связь постгуманизма и трансгуманизма и приходим к тому, что трансгуманизм – это просто аспект, составная часть концепции постгуманизма. Особое внимание уделено анализу трансформации механизмов самоидентичности в эпоху господства постгуманизма. Делается вывод, что в этом процессе резко возрастает роль Воображаемого, и самоидентификация происходит с чем-то, не существующим в том, что мы привычно называем «объективной реальностью», а самое главное, в культуре XXI в. этот процесс будет носить перманентный характер.

Ключевые слова:

гуманизм, искусство, киборг, постгуманизм, самоидентификация, трансгуманизм.

Чукуров А.Ю. Идеи постгуманизма в культурологической перспективе // Общество. Среда. Развитие. – 2018, № 3. – С. 24–30.

© Чукуров Андрей Юрьевич – кандидат культурологии, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: achukurov@yandex.ru

Существует много определений понятия «постгуманизм». Наиболее употребляемое – это философская концепция и мировоззрение, согласно которым эволюция Homo sapiens как вида не завершена. В результате дальнейшего развития науки и техники, человек перейдет (или уже переходит) на новую эволюционную ступень, а его возможности и, вероятно, его облик (физиология) изменятся. Речь, в частности, может идти о некоем постчеловеке. Из концепции постгуманизма со всеми ее составляющими (о морфологии мы поговорим чуть ниже) вытекает неотъемлемое право человека на самосовершенствование всеми доступными технико-технологическими средствами. Еще Мишель Фуко в своей работе «Слова и вещи» указывал на тот факт, что рано или поздно человек (в том виде, в котором мы его знаем) исчезнет. М. Фуко писал об определенном типе человека – личности, сконструированной гуманистами на заре Раннего Нового времени. Именно этот тип оказывается обречен на современном этапе развития культуры в силу кардинально изменившихся условий бытия.

Таким образом, философия постгуманизма фактически постулирует отказ от концепции традиционного западноевропейского гуманизма в эпоху расцвета колониализма, провозгласившего себя «мировым» и сформулировавшего идею «общечеловеческих ценностей».

Постгуманизм – это не просто предмет научных дискуссий, а объективная реальность, и мы можем констатировать наступление новой эпохи. Также очевидно, что эпоха постгуманизма базируется на мощном технико-технологическом фундаменте, частью которого является само информационное общество XXI века. Вполне естественно, что в информационную постгуманистическую эру, порождающую, в том числе, и феномен дигитальной телесности, совершенно иначе будут функционировать механизмы формирования самоидентичности. Именно на это и реагирует художественная культура: новый тип самоидентичности широко репрезентирован в разных видах художественного творчества – литературе, живописи, перформансе, кинематографе, компьютерных играх. Далее в нашей работе мы рассмотрим

рим концепцию постгуманизма не с точки зрения философии, а перейдем в культурологический дискурс и проанализируем постгуманизм именно в рамках культурологической перспективы, обращаясь, в том числе, и к художественной культуре.

Постгуманизм VS Гуманизм?

Прежде чем мы пойдем дальше, определимся с понятиями, видами и типами гуманизма. Основой классического гуманизма, как хорошо известно, был антропоцентризм. Переосмыслив античную концепцию, философы эпохи Возрождения поместили Человека в центр как художественного, так и философского дискурсов. Несмотря на все сложности XVII века, эпохи барокко, не только философия, но вся наука Нового времени в дальнейшем исходила из того, что человек способен раскрывать универсальные законы Природы, будучи автономным агентом или «мыслящим субъектом». XIX век нанес определенный удар по этой концепции, заставив благодаря дарвинизму и фрейдизму усомниться в возможностях этого «мыслящего субъекта», но вся эта позитивистско-гуманистическая пирамида устояла и далее определяла социокультурные стратегии первой половины XX века. Именно этот классический гуманизм возрожденческого типа подарил европейской культуре всесторонне образованного человека-творца и одновременно две мировые войны. И эту мысль наиболее полно выразил Пико дела Мирандола в своей знаменитой «Речи о достоинстве человека»: «Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные. О, высшая щедрость Бога-отца! О высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, чем хочет!» [3].

Удивительно, но гуманистическая концепция устояла в кризисных XVI–XVII столетиях, когда Блез Паскаль впервые усомнился в основах антропоцентризма, сказав, что «Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он – тростник мыслящий. Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная: довольно дуновения ветра, капли воды. Но пусть бы даже его уничтожила Вселенная, – человек все равно возвышеннее своей погубительницы, ибо сознает, что растает с жизнью и что он слабее Вселенной, а она ничего не сознает» [4]. Возможно, причина кроется в том, что общество уцепилось за

следующую фразу: «Итак, все наше достоинство – в способности мыслить. Только мысль возносит нас, отнюдь не пространство и время, в которых мы – ничто. Постараемся же мыслить благопристойно, в этом – основа нравственности» [4]. После такого вся «дискуссия» ушла в сторону от сомнений, а оставшиеся сомневающиеся нашли утешение в своей «способности мыслить» и «нравственности». И вот уже Просвещение и Позитивизм вдохнули новую жизнь в классический гуманизм, породивший жесточайший индивидуализм и самомнение европейцев.

Этот уход не избавил классический гуманизм от жесткой критики, которая на него обрушилась с середины XX века. Это и А. Рено, порицавший гуманизм именно за тот самый индивидуализм в своей работе «Эра индивида. К истории субъективности» [5]. Это и М. Хайдеггер, указывавший, что классический гуманизм представляет человека, изначально выделяющегося своей субъективностью из бытия [9]. Это и французский мыслитель Э. Левинас, который искал причины кризиса гуманизма в том, что западноевропейская личность сконцентрирована в силу искаженного антропоцентризма на себе и своей тотальности [2].

Войны XX столетия лишь подтвердили мысль о несостоятельности классического гуманизма, который сформировал личность настолько увлеченную своим величием, что она попросту оказалась неспособна разглядеть интересы Другого. Фактически вся система колониализма выросла из классического гуманизма. Интересную мысль высказал по поводу природы и истории классического гуманизма С. Спивак: «Принято считать, что гуманистическое направление мысли возникло на исходе Средневековья. Но это не так. Гуманизм, а точнее гипертрофированный внутривидовой эгоизм, намного старше. Имя дано лишь его законченному воплощению. Гуманизм всегда был главным ориентиром человечества, по меньшей мере, на протяжении всей письменной истории. Но восхождение по лестнице самообожествления достигло своей высшей точки именно сейчас. Дальше возможно лишь падение» [6].

Осознание исторической ограниченности гуманизма заставляло многих мыслителей пересмотреть саму идею антропоцентризма, а следствием этого пересмотра и стало рождение концепции постгуманизма. Снова процитируем С. Спивака: «Постгуманизм – это мировоззрение, построенное на знании объективных законов

26 Природы. В центре его лежит идея, что человек есть лишь часть Природы, и как любая другая часть Природы, он не может являться высшей ценностью. Ценность человека, как и ценность любой другой части Природы относительна, а не абсолютна. При этом Постгуманизм не считает все части Природы одинаково ценными. Эволюция всегда подразумевает иерархию, поэтому есть части Природы менее значимые, чем человек, и есть части Природы более значимые, чем человек. Только отказавшись от геоцентризма, люди смогли построить научную картину мира. Только преодолев узкие рамки, как самодовольного антропоцентризма, так и сентиментального эоцентризма, оказалось возможным построить подлинно научную идеологию Новой Эры» [6]. Иными словами, человек более не является центром мироздания, и даже его мыслительные способности не делают его более значимым в силу ограниченности последних.

Поскольку постгуманистическая концепция находится на стадии становления, существуют различные прочтения идеи сращивания человека и техники. В самом начале мы привели наиболее распространённый тезис, постулирующий идею изменения человека (формирования постчеловека) в силу новых технико-технологических достижений. Именно этот тезис вносит некоторую путаницу в соотношение постгуманизма и трансгуманизма. Кто-то указывает, что трансгуманизм – это некая историческая ступень развития постгуманизма, иные утверждают, что трансгуманизм – это вообще особый тип гуманизма. С нашей точки зрения – это не то и не другое. Трансгуманизм – это просто аспект, составная часть концепции постгуманизма.

Вера в то, что соединение человека и техники выведет наш вид на более высокий уровень – это лишь продолжение наивной веры в технико-технологический прогресс, что мы видели на заре модерна XIX века, выстроенного строго в рамках классического гуманизма. Однако на самом деле это вовсе не шаг вперед, а шаг в сторону, не более того. Но на каком основании мы решили, что человечество будет двигаться вперед, через кризисы и падения, но вперед? Органично вплетаясь в информационное пространство глобальной паутины, передавая те или иные функции технологическим новинкам, человек создает собственную реальность и себя самого, но не овладевает миром, не оказывается в центре мироздания, как то

представляет классический гуманизм. Мы просто отказываемся от части своих естественных, природных функций, передавая их технологии.

Именно в силу выделения данного аспекта – роли технологии в становлении постчеловека – имеет место методологическая путница понятий и выделение трансгуманизма в самостоятельный тип или этап развития постгуманизма. История трансгуманизма уходит в XIX век, когда родилась вера в возможность преодоления ограничений человеческого тела благодаря научному прогрессу. В 1927 году в свет выходит книга Джулиана Хаксли «Религия без откровения». Но происходит угасание интереса, поскольку наука в середине XX века так и не смогла предложить механизмы радикального преодоления биологического детерминизма природы человека. Вторая волна интереса формируется в 1960-х гг. Трансгуманизм выступает за расширение свободы личности, прежде всего за счет внедрения и использования продуктов научно-технического развития. Трансгуманизм выступает против попыток государства помешать передовым научным исследованиям, против всех форм фундаментализма и традиционализма. Использование новых технологий гарантирует реализацию личных свобод граждан [10].

С точки зрения трансгуманизма, человек не должен страдать, и в этом истинно гуманистический пафос всей концепции, а ликвидировать или, по крайней мере, минимизировать страдания как раз и способны новые технологии, что, например, мы видим в сфере современной медицины. Но страдания могут быть, как известно, не только физическими, но и морально-психологическими. И здесь, по возможности, на помощь также приходит наука, которая позволяет человеку трансформировать себя ровно до такого состояния, пока он не ощутит внутреннюю гармонию, т.е. не обретет себя. Идеологи трансгуманизма указывают на потенциальную возможность обретения бессмертия, потому именно технико-технологический прогресс является основным базисом и вектором дальнейшего развития человечества.

И вот здесь следует в очередной раз указать на то, что это лишь один из аспектов постгуманизма. Расширение возможностей за счет технологии или гармонизация личности за счет медицинского вмешательства вовсе не превращает человека в высшее существо. Более того, обретение бессмертия вообще не предполагает со-

хранение человека в том виде, в котором мы его знаем: виртуальная реальность, сетевое пространство сегодня уже дают это бессмертие – физическое тело может быть мертво, а alter ego социальных сетей продолжает жить.

Таким образом, принципиальным моментом постгуманизма является постулируемая им неиерархичность. Постгуманизм не говорит о смерти человека, о его исчезновении, поскольку если есть смерть, то значит должна быть и жизнь, и тогда мы попадаем в дуальную систему жизни/смерти, а постгуманизм отказывается от любой дуальности. Человек не исчезает, как и не возносится на вершину иерархической лестницы в результате технологических трансформаций себя – он переходит в иную плоскость бытия. Это концепция постоянного перехода, которой, по нашему убеждению, в наибольшей степени подходит состояние «текучей идентичности». И когда мы говорим, например, о квир-теории, то анализ квир-текучей идентичности должен осуществляться именно через призму постгуманизма. В результате, мы можем определить постгуманизм как постэволюционную теорию.

Проблема самоидентичности в эпоху постгуманизма

Как представляется, одна из центральных проблем, на которой должно быть сфокусировано внимание исследователя-культуролога, – это проблема самоидентичности в эпоху постгуманизма. Ни в одну другую эпоху у человека не возникало трудностей с соотношением себя с той или иной общностью. Самоидентификация – это, прежде всего, принятие норм и ценностей другого человека или сообщества как своих собственных. Идентичность – это чувство тождественности. Подчас соотношение себя с той или иной группой может вообще быть лишено всякой рефлексии: в Древнем мире или в эпоху Средних веков человек приписывался к той или иной профессиональной или религиозной группе по факту рождения. На протяжении всей истории проблема этого выбора носила чисто теоретический характер: окружение и обстоятельства этого выбора не предоставляли, поскольку самоидентичность напрямую была связана с профессиональными обязанностями и социальным положением, занимаемым индивидом в обществе. Его самоидентификация обуславливалась во многом необходимостью соответствовать чему-то или кому-то, неким внешним обстоятельствам, поскольку от этого напря-

мую зависело его выживание. «Формирование или коррекция идентичности – это процесс преобразования всех прежних идентичностей в свете ожидаемого будущего. Таким образом, идентичность личности операциональна, связана с инструментальным характером человеческого Я и является производной от функции, выполняемой человеком в окружающей его действительности» [1, с. 118].

Сегодня процесс самоидентификации более не связан с выживанием напрямую. Кроме того, в силу возросшей мобильности населения, разрушения профессиональных и корпоративных структур эпохи модернизма, уничтожения жестких структур и связей, атомизацией общества в силу разных причин (в том числе и профессиональных – работа с удаленным доступом и ликвидация долгосрочных контрактов), бесконечной вариативности гендерных комбинаций и такой же вариативной множественности семейных отношений, процесс соотношения себя с кем-либо или чем-либо сообразно прежним каналам не просто затруднен, а невозможен. Идентичность сегодня – это, прежде всего, проект, а любой проект предполагает планирование и обдумывание, оценку степени агрессивности окружающей среды, где, предположительно, этот проект будет реализован.

Именно это состояние и является доказательством прихода новой эпохи – эпохи постгуманизма с его отсутствием иерархичности и перманентным состоянием перехода. Этой эпохе и соответствует в наибольшей степени квир-теория, утверждающая, что идентичность – это не состояние и не некая сущность, а процесс, протекание которого определяется тем или иным дискурсом.

Однако каким бы сложным ни был процесс самоидентификации, он в любом случае неизбежен и проходит на протяжении всей жизни человека. Но тогда чем он будет определяться? Ведь сам механизм остается прежним – человек вынужден себя с чем-то или кем-то соотносить, даже в случае с «текучей» идентичностью или состоянием. Так, Ю.В. Шичанина справедливо отмечает, что знаково-символический характер человеческой деятельности уравнивает реальное и нереальное. Больше не существует привычных идентификаторов, таких как гендер или раса. Формирование идентичности, или, точнее, переформирование, становится перманентным [12].

В процессе самоидентификации сегодня человек создает «потребный образ себя», который дает ощущение безопасности, ук-

28 | репляет, по его убеждению, защитные механизмы, позволяет сконструировать более успешную смыслоложившую стратегию. Здесь и происходит обращение к технологической составляющей постгуманизма и, конкретно, к трансгуманизму. Это вовсе не означает, что человек стремится занять чье-то место и снова вступить в войну с природой – подобные проявления агрессии и самолюбования являются как раз наследием эпохи гуманизма – он просто осознает свое несовершенство и пытается обрести собственное место, не занимая чужого. Отсюда и вариативность трансформаций физического тела. Центральная идея постгуманизма – это идея гармонизации внутреннего и внешнего при сохранении и выделении особенностей как личности, так и самых разнообразных общностей, обретения целостности через эклектичную фрагментацию.

Именно поэтому манифест киборга Донны Хароуэй не утрачивает актуальности, а наоборот, получает новые прочтения. «Киборг – создание постгендерного мира, он ничего общего не имеет с бисексуальностью, доэдиповым симбиозом, неотчужденным трудом или прочими соблазнами органической целостности, достигаемой окончательным усвоением всех сил всех частей в некое высшее единство. В каком-то смысле у киборга нет истории происхождения в западном понимании; “последняя” ирония, поскольку киборг – это также чудовищный апокалиптический телос разогнанных западных овладений абстрактной индивидуации, конечная самость, оторванная, наконец, от всякой зависимости, человек в космическом пространстве» [13]. Автор утверждает, что мы – киборги, это наша онтологическая сущность, ибо киборг – это соединение материальной реальности и воображения.

Самоидентичность и художественный текст в постгуманистической перспективе

Как ни парадоксально, но в эпоху господства постгуманизма именно художественная культура становится подчас тем руслом, которое определяет течение процесса самоидентификации. Во многом это связано с ролью воображения и знаково-символической составляющей деятельности человека информационного мира.

О постоянном имплицитно присущем современной личности переходе, перманентном состоянии трансгрессии говорили многие художники в своих работах. Это и перформансы Орлан и М. Абрамович, и скульптура К. Леммерца и т.д. Так, одной

из самых известных скульптур Кристиана Леммерца является андрогинный Гермес, гармонично сочетающий мужское и женское начала. Почему это не в буквальном смысле «Гермес» Леммерца, это прямая цитата Гермеса Олимпийского или Гермеса с младенцем Дионисом, которую часто приписывают Праксителю. Выбор в качестве объекта трансформации классического греческого памятника не случаен: К. Леммерц будто говорит о новой классике, где нет мужского и женского.

Есть и движение в другую сторону – к обретению мужской сущности женщиной, что мы видим, например, в серии фотографий Линды Бенглис. Иными словами, интеллектуальное искусство уже с 1970-х гг. «играло» с возможностями «перехода», трансгрессии и разрушения иерархических структур.

Несовершенство человека и, вместе с тем, его стремление обрести новые качества и возможности, «усовершенствовать» себя доступными средствами широко представлено в популярном кинематографе. Вспомнить хотя бы бестселлер 1988 года Томаса Харриса «Молчание ягнят». Этот роман был экранизирован в 1991 г. Джонатаном Демми. Как роман, так и фильм передают основную идею одержимости маньяка – создание новой идентичности за счет использования фрагментов плоти других людей.

В популярной культуре складывается целое направление – боди-хоррор, – призванное вызвать «страх перед утратой контроля над собственным телом в результате насильственных или добровольных трансформаций, которым подвергает себя герой и или которым подвергают героя... Страх здесь зиждется на том, что в отличие от ситуации преследования маньяком или чудовищем, ты не можешь никуда убежать – ужас внутри тебя, он с тобой. Ужас – это твоё тело. В кинематографе традиционно одним из самых ярких представителей этого специфического жанра называют режиссера Дэвида Кроненберга. Не случайно его прозвали «певец мутаций». Еще в 1975 году в фильме «Судороги» режиссер вывел в качестве главного героя ученого, создающего паразита, вызывающего рост агрессии и сексуального желания» [11, с. 37]. А фильм «Автокатастрофа» того же режиссера фактически выступает как текст, эстетизирующий протезирование и момент перед-возможной-смертью, где страх соединяется с садо-мазохистским восторгом. Это обратная сторона трансгрессии, ведь ни один процесс не проходит без потерь.

Человек, как существо слабое и несовершенное (а вовсе не высшее существо или центр мироздания) обретая что-то, всегда что-то теряет, а потому никогда и не достигнет совершенства. А значит и процесс трансформации завершения не имеет. Может, именно поэтому человек, выбравший путь пластических операций, не может остановиться на одной или иди двух, продолжая ложиться под нож хирурга снова и снова? Нужно ли с этим бороться? Нет, ибо он априори слаб и несовершенен, ему нужно просто принять свою слабость, интуитивно нащупывая пути максимальной гармонизации себя.

Главная же фигура, которая оказывается в роли маяка самоидентификации постгуманизма, – это, конечно же, фигура киборга. «Аватар» (фильм, 2009), «Бегущий по лезвию 2049», «Ванильное небо», «Видоизменённый углерод», «Газонокосильщик», «Джонни-мнемоник», «Искусственный разум», «Крикуны», «Люси», «Матрица», «Мир Дикого запада (телесериал)», «Области тьмы», «Превосходство», «Призрак в доспехах» (аниме, 1995), «Призрак в доспехах» (фильм, 2017), «Робокоп», «Робот по имени Чаппи», «Сан-Джуниперо», «Суррогаты», «Терминатор: Генезис», «Титан», «Человек-амфибия» (фильм, 1961), «Элизиум – рай не на Земле», «Киборг 2: Стеклопанная тень», «Киборг-ниндзя», «Киборг-охотник», «Ксеногенезис», «Призрак в доспехах» (фильм, 2017), «Призрак в доспехах: Синдром одиночки» (аниме), «Призрак в доспехах: Синдром одиночки 2nd GIG» (аниме) – это лишь минимальный перечень фильмов, сериалов и в аниме (литературу сознательно оставляем за скобками в силу чрезвычайного множества примеров), где центральной темой оказывается расширение возможностей человека за счет биологических и технический новаций. Подобные новации пугают и притягивают, а главное – становятся ориентирами для науки и медицины, а многие, из того, что представлено в этих фильмах, сегодня уже стало частью реальности.

Заключение

Таким образом, основная идея постгуманизма заключается в ликвидации любой иерархичности при одновременном стремлении к гармонизации личности – с самим собой, социумом, природой – путем как духовного, так и технико-технологического самосовершенствования. Эволюция человека не завершена, но под этой эволюцией не всегда следует понимать движение вперед, также как под усложне-

нием – обязательный прогресс. Движение от простого к сложному, от примитивно-синкретичного к сложноорганизованному и многокомпонентному – вовсе не обязательно движение вперед. Вполне возможно, это просто движение в сторону от примитивной линейной траектории.

«Пора спросить себя, является ли двуголое дышащее тело с бинокулярным зрением и объемом мозга 1400 кубических сантиметров адекватной биологической формой. Оно не способно справиться с объемами, сложностью и качеством информации, которую оно накапливает... Главное давление на планете – это больше не гравитация, а информационный напор. Гравитация дала эволюционирующему телу форму и остов и удержала его на Земле. Информация побуждает тело выйти за пределы себя самого и биосферы в целом. Информация кроит форму и функции постэволюционного тела». [7]. Обратите внимание, что автор этого высказывания – австралийский профессор кипрского происхождения и известный художник-акционист Стеларк (Стелиос Аркадиу) – исходит именно из идеи вызова, агрессии среды, употребляя словосочетание «информационный напор» и указывая на то, что это именно «давление».

С 2006 года с разной степенью успешности он пытается вырастить ухо у себя на руке. Это не просто «декоративный элемент» или третье ухо для самого Стеларка. Посредством этого дополнения к собственному телу любой желающий может воспринимать звуки по Wi-Fi, которые слышит сам создатель: «Ухо – оно не для меня, у меня уже есть два. Это ухо – прибор удаленного слуха для людей в других местах. Они смогут следить за разговором или слушать концерт, где бы я и они не находились. Через GPS они смогут отслеживать, где ухо находится в данный момент» [8].

Основная идея Стеларка – своими многочисленными перформансами показать, что человеческое тело устарело и может быть усовершенствовано в соответствии с вызовами информационного общества. Перед нами – один из наиболее ярких примеров постэволюционной стратегии.

В ситуации постгуманизма принципиально меняется механизм самоидентификации: поскольку он более не происходит автоматически, человек нередко оказывается не в состоянии (или не испытывает желания) соотносить себя или принимать ценности некоей социальной (этнической, профессиональной и пр.) группы, к кото-

30 | рой принадлежит по факту рождения или полученного образования. В этих условиях роль Воображаемого оказывается ведущей, и самоидентификация происходит с чем-то, что не существует в том, что мы привычно называем «объективной реальностью».

Человек стремится вырваться за границы собственного существа в силу осознания собственного несовершенства и желая защититься (избавиться от болезней, обрести бессмертие, защитить себя от давления информационного общества и т.д.), и на этом пути действительно стать

Творцом, только Творцом самого себя и своего собственного мира среди множества равноправных миров Других. Интересно то, что сам этот процесс «творения себя», а значит и процесс самоидентификации, будет носить перманентный характер в силу того, что каждая последующая технология (в медицине, биологии, геномной инженерии и пр.) будет сообщать человеку ощущение собственной неполноценности. А это, в свою очередь, априори исключает сам принцип антропоцентризма, на котором строилась культура со времен Возрождения.

Список литературы:

- [1] Атланов Д.Ю., Булгакова О.С. Философия личности. – СПб.: НПЦПСиН, 2012. – 230 с.
- [2] Левинас Э. Трудная свобода. Очерки по иудаизму // Левинас Э. Избранное: Трудная свобода. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – С. 319–589.
- [3] Мирандола, дела Дж. П. Речь о достоинстве человека / Пер. Л. Брагиной // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли в 5-и тт. Т. 1. – С. 506–514. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm (10.08.2018)
- [4] Паскаль Б. Мысли // Мыслящий тростник: наше достоинство – не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Электронная библиотека ИФ РАН – Интернет-ресурс. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/antology/document/HASH0129eccae3ffd40001c5415e> (15.08.2018)
- [5] Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – 473 с.
- [6] Спивак С. Доктрина постгуманизма // Самиздат. – Интернет-ресурс. Режим доступа: http://samlib.ru/s/spiwak_s_i/doktrina.shtml (05.08.2018)
- [7] Стеларк: человек или киборг? // The Kaliningrad room. – Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://kaliningrad-room.ru/stelark-chelovek-ili-kiborg/> (10.08.2018)
- [8] Третье ухо на руке вырастил себе профессор из Австралии // Звезда. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201508122057-hzgx.htm (11.08.2018)
- [9] Хайдеггер М. Бытие и время. – СПб.: Наука, 2002. – 451 с.
- [10] Чукуров А.Ю. Трансформации физического и социального тела в контексте формирования самоидентичности (к постановке вопроса) // Ярославский педагогический вестник. – 2017, № 3. – С. 268–273.
- [11] Чукуров А.Ю. Бодимодификации и некоторые особенности их репрезентации в популярной культуре // Вестник психофизиологии. – 2017, № 3. – С. 33–39.
- [12] Шичанина Ю.В. Самоидентификация: Интернет-форматы // Философские науки. – 2009, № 10. – С. 45–59.
- [13] Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. / Пер. с англ. А. Гарадж. – М.: Маргинем Пресс, 2017. – 128 с.